

Лев Дуров:

О СТРАННОСТИ ЛЮДСКИХ

Есть среди образов, созданных народным артистом РСФСР Львом Дуровым, немало людей доверчивых, открытых. Вспомним старика Глушкова из спектакля Театра на Малой Бронной «Вы чье, старичье!..» Б. Васильева, кинороли: Вася-акушер («Зачем человеку крылья»), актер Павлик («Успех»)...

Им, этим людям, присуща некая, с точки зрения обычных людей, странность, чем-то роднящая их со знаменитыми шукшинскими «чудиками».

— Суть не в том, как этих людей назвать. А, впрочем, почему? Давайте-ка для примера поставим два разных удара в одном коротеньком слове — чудно. На первый слог — значит прекрасно, замечательно, а на второй — удивительно. Правда, хорошо получается? Лично я, исходя именно из соединения этих двух смыслов, определяю своих любимых персонажей. Мы сегодня здорово наловчились людей на всякие категории подразделять. И уж если наклеили ярлык, то человек, по нашему разумению, обязан всю жизнь с ним ходить. Но если вдруг поведет себя иначе, если сорвет со лба наклейку — значит, чудик, тип со странностями, так сказать, не от мира сего. А ведь это в сущности прекрасно, когда человек в общий шаблон не укладывается, это о богатстве его натуры говорит, о самобытности, уникальности.

Порой люди, особенно «достигнув степеней известных», по собственной воле в расхожий шаблон лезут, боясь прослыть чудаками и тем самым пошатнуть завоеванный авторитет. Живет, к примеру, рядом человек — веселый, дружелюбный, открытый, контактный, как теперь любят выражаться. Но вдруг получает чин — и не узнать человека.

Ступает важно, смотрит на всех свысока, в каждом жесте значительность. При этом он, бедняга, искренне считает, что это должность его к тому обязывает, положение требует, что именно так и только так должен вести себя простой советский руководитель. И невдомек сердешному, что отчасти ему сейчас бороду широкую да пусти поверх жилета золотую цепочку — ни дать ни взять купчина первой гильдии. Нет, должность должна давать человеку возможность полнее раскрыть свои профессиональные, душевные таланты, а не облачиться в амбициозный мундир.

В молодости мне довелось встретиться со знаменитым, а теперь уже и легендарным академиком Петром Леонидовичем Капицей. Что меня в нем больше всего поразило? Полное отсутствие пресловутого академизма. Этот непосредственный, любознательный, веселый человек поначалу никак не укладывался в мое

книжное представление о всемирно известном ученом муже. Я даже не могу сказать, что он разговаривал с нами на равных. Скорее, как студент с профессорами, поскольку разговор шел не о его деле, а о нашем, о театре. И он не стеснялся перед нами своей некомпетентности в этом вопросе, с интересом расспрашивал, удивлялся, смеялся, ероша свои непокорные волосы. А потом, вспомнив свою молодость, азартно и весело рассказывал смешные и курьезные случаи. Я думаю сейчас — он был по-настоящему счастливым человеком. И не только потому, что смог многое сделать в науке, добился всемирного признания. А потому, что сумел не растерять все хорошее, естественное, данное ему от природы, — не утратил, не поддал в угоду стереотипу поведения.

— В наш рациональный век некоторые склонны причислять к странностям такие качества души человеческой, как бескорыстие, готовность помочь незнакомым людям, самозабвенная увлеченность делом.

— Порой странностью объявляют то, что должно было бы быть нормой поведения для всех. Вот, например, наш замечательный музыкант Святослав Рихтер, встречая на улице знакомых, здороваясь с ними, непременно снимает головной убор. Как-то он меня остановил, понтересовался делами театра, а погода стояла прохладная, шел снег. Но в продолжение всей нашей беседы он не позволил себе надеть шапку. Что это, чудачество? А по-моему, просто истинная воспитанность, не на громких словах, а на деле доказывающая его уважение к человеку. Коль скоро я упомянул о Святославе Рихтере, не могу не привести еще один случай. Музыкант гастролировал в Перми и на одном из концертов сыграл, как ему показалось, хуже, чем обычно. Никто этого, конечно, не заметил, слушатели восторженно аплодировали, но сам себе он этого простить не мог. После концерта его ждали в гостинице. Он вернулся туда лишь час спустя, очень расстроенный, оказывается, бродил один по городу, переживал. Что, казалось бы, значит для него, всемирно известного музыканта, какой-то рядовой концерт? Он не делает различия между городами и зрителями. Воистину этот человек уважает искусство в себе, а не собственную персону в искусстве.

А вот думаю: можно в один миг потерять все свои деньги — в самом прямом смысле. Можно и наоборот, допустим, выиграть в лотерею машину. Но ни при каких обстоятельствах невозможно мгновенно обнищать духовно, превратиться из человека воспитанного в хама. Если на наших глазах такая метаморфоза и случается, значит, воспитанность этого человека была не неотъемлемым свойством души, а чем-то вроде личины: захотел и сбросил. Подлинное духовное оскудение — процесс постепенный. И начинается оно с таких, казалось бы, несерьезных мелочей, на которые и внима-

ние обращать смешно. Подумаешь, не открыл перед женщиной дверь, не уступил пожилому человеку место в автобусе. А клубок между тем разматывается. Для человека, разучившегося оказывать зримые, конкретные знаки внимания ближнему, само понятие «уважение к людям» становится абстрактным, оторванным от реальной жизни, фикцией в конечном итоге. А что взамен? Наука доказывает, что ничто в мире не исчезает бесследно. Так и атрофировавшееся «уважение к людям» вовсе не развевается в прах, оно трансформируется в неоправданно раздутое «уважение к себе», а проще сказать — в обычный махровый эгоизм. Это, как вы сами понимаете, уже не мелочи жизни, а нравственное зло, уродующее человеческую личность, зло, социально опасное для общества.

— И вот такому эгоисту встречается человек, находящий радость в том, чтобы радовать себя другим, получающий удовольствие от работы не в тот момент, когда платят зарплату, а в самом процессе, в сознании своей полезности людям. Такой человек самим фактом своего существования вызывает в своих антиподах раздражение, даже злобу. Они подозревают его в лицемерии, глупости, тайной корысти — только не в искренности, потому что само понятие «бескорыстие» ими давно забыто. Ведь нередко ваши, Лев Константинович, герои идут к людям с добром, а натываются на стену непонимания, да и прямого хамства.

— Случается и такое. И автор пьесы подобные факты не с потолка берет, а, к нашему общему стыду, из реальной жизни. Эгоизм — штука въедливая и далеко не безвредная. Он защищает свои позиции до последнего, из всех сил стараясь принизить в глазах общества того, кто самой жизнью опровергает его ложные принципы. И вот здесь мы подходим к главному упреку, который предъявляет наша критика к героям, о которых речь. А упрекают их чаще всего в том, что они... не герои. Что они не умеют активно противостоять злу, действительно бороться с ним, что не в состоянии защитить от несправедливости не только других, но и самих себя. Так стоит ли, рассуждают иные, таких людей делать героями книг, спектаклей, фильмов?

Хочется их спросить: а если человек душу сумел в чистоте сохранить, не осквернил ее злобой и подлостью, свои добрые дела на показ не выпячивал, благодарности за них громко не требовал, разве этого мало? Разве само по себе существование таких людей не является фактом положительным, значимым, достойным внимания и осмысления?

Мы становимся чересчур практичными и требуем немедленной отдачи не только, скажем, от фондов, вложенных в производство, но и от содеянного добра. Другими словами — часто не по духовной потребности добро творим, а по причине гораздо более меркантильной.

Действуем по принципу: ты — мне, я — тебе. Замыкаем добрые дела в круг знакомых, нужных людей, от которых мы в какой-то мере зависим. Расходуем сердечность свою скупой, избирательно, с расчетом получить за нее сполна той же монетой. А «странные»-то люди творят добро безоглядно, бескорыстно, негласно. Для них это такая же жизненная потребность, как пить и есть.

Есть у «странного человека» и еще одно очень дорогое достоинство — он всегда тянется к людям, старается сблизиться с ними, наладить контакт — не деловой, а душевный, чисто человеческий. Понимаете, не к телевизору его тянет, а к живым людям! Кстати, уже не раз высказывалась мысль, что телевизор, несмотря на кажущуюся объемность связи человека с миром, не объединяет человека с себе подобными, а скорее, разъединяет, если превращается в единственное окно его общения с этим миром. Человеческая же коммуникабельность прогрессирует в обратном направлении. Утрачивается традиционная культура непосредственного общения.

Как-то на творческой встрече со зрителями я спросил у зала: «Часто ли вы ходите в гости?». И большинство в один голос ответили «нет». А лет 20—25 назад вместо «нет» я бы услышал дружное «да». Что же с нами случилось? Парадоксально, но факт: чем благополучнее стали жить люди, тем они стали разобщеннее, равнодушнее друг к другу. Вспоминая сейчас военные и первые послевоенные годы, я прежде всего вспоминаю атмосферу всеобщей спаянности, взаимопомощи, какого-то кровного родства. Я помню эвакуацию, когда судьба сводила под одной крышей самых разных, совершенно незнакомых друг с другом людей. Но я не помню ни единой ссоры из-за того, что кому-то пришлось потесниться, пожертвовать местом и привычными удобствами. Вот и сегодня все мы, находясь под впечатлением событий на Чернобыльской АЭС, ощутили не только разумом — сердцем кровную связь друг с другом, на деле доказывают люди, что доброе отношение, бескорыстная помощь ближнему стали и для нас явлением обычным, нормальным, а вовсе не «странным», из ряда вон выходящим. Но неужели для этого нужна лишь экстремальная ситуация?

Жизнь человеческая так коротка. Обидно, что немалую часть ее мы тратим на то, что не имеет для человека истинной ценности, хотя зачастую имеет вполне конкретный ценник. Деньги, вещи, престиж как будто отнимают у человека душу, закабаляют его, делают своим рабом. Нормально ли это? Наверное, гораздо менее нормально, чем спокойное отношение к ним некоторых людей, умеющих отличать ложные ценности от истинных. Иногда приходится слышать: «Твои «чудики», старик, несовременны. Жизнь ушла вперед, а они со своими смешными сегодня принципами безнадежно отстали». Нет, уж позвольте! Эти «странные», на ваш взгляд, люди, отнюдь не из прошлого. Скорее — из будущего. Они живут по тем нравственным законам, по которым когда-нибудь обязательно будут жить все люди.

Беседу вел
В. ЕРШОВ.